

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ,

доктор исторических наук, депутат Государственной Думы

ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ РОССИИ

Эксперты все еще дискутируют, к кому в первую очередь была обращена “мюнхенская риторика” – Америке, Европе или собственным гражданам – и какие соображения превалировали – внешняя политика или внутренняя. Как многие в России хотели бы подтверждения, что задача полноценного, равноправного участия России в современном мировом историческом процессе не только осознана властью, но и принята как историческое задание!

Раболепное эпигонство начала 90-х годов привело к катастрофическим утратам, несмотря на ядерный потенциал, систему международных договоров и внушительную экономику. Это отражает важность нематериальных факторов в позиции государства, наличие национально-государственной воли и единства национального сознания. Сейчас время на международной арене работает явно не на США, чей имперский ресурс оказался совсем не безграничным, чего не скажешь об амбициях. Но работает ли время на Россию? Это зависит, прежде всего, от нашего внутреннего собирания для продолжения себя в истории, от восстановления библейского чувства продолжения рода у русских женщин и мужчин, от того, наконец, будет ли восстановлено понимание между властью, элитой и обществом.

Чтобы слова, сказанные в Мюнхене, были подкреплены национальной стратегией, нужна не только и не столько динамичная экономика и рост ВВП, а энергия солидарности и суверенитет духа – это и есть главное условие “демократии”, если она действительно хочет быть “суверенной”. Общество должно из народонаселения вновь стать нацией – единым преемственно живущим организмом с общими целями и ценностями бытия, с общими историческими переживаниями. Хотя понятие элита в России уже давно ассоциируется с десятком “олигархов” и узким правительственным кругом, в современной социологической терминологии это достаточно широкий социально-активный слой, кадровый резерв для политического класса, управления, предпринимательства, науки и культуры. Элита должна быть сопричастна собственной многовековой истории и будущему.

Такая задача имеет сегодня ярко выраженные социально-экономический и мировоззренческий аспекты. Исчерпан лимит относительной терпимости общества к социальной драме 40% населения страны – работающего, не выпавшего из социальных связей, но обреченного извращенной структурой экономики на средневековую бедность. Не будет сильной России, если одна лишь Москва будет втягивать своим болезненным динамизмом из всей страны и таланты, и пороки, и созидателей, и мошенников. Стольный град при всем блеске его лихорадочного румянца – это уже не средоточие русской жизни. Это уже Вавилон, где русский профессор ездит на трамвае к дешевым торговым рядам, а приезжий зеленщик скупает недвижимость, где названия модных вещей, заведений и занятий непонятны русскому человеку ни лингвистически, ни мировоззренчески. Впрочем, в век глобализации это удел поч-

ти всех столиц мира. Чтобы увидеть англичанина и познакомиться с чисто английской жизнью, нужно уехать из Лондона.

Чтобы сохранить и Россию, и русскую жизнь, двигаясь в будущее, не надо ехать далеко. Надежда на наше родовое гнездо – Центральную Россию. Это Калуга и Брянск, Липецк и Белгород, Ярославль и Владимир, Тверь и Кострома, где, слава Богу, прекратился упадок, где по-прежнему чарующие русские просторы не удалены от необходимых коммуникаций и имеют финансовый, технологический, научный и культурный потенциал. Здесь есть все, что нужно для успеха исторического проекта. Подлинный исторический проект должен, с одной стороны, восстановить преемственные цели и ценности национального бытия, но с другой – направить их в будущее, оснастив современными формами и увязав с задачей модернизации, но без той самоубийственной вестернизации, что уничтожает смыслообразующее ядро самого побуждения к историческому бытию.

Жизнь России началась не в 1991 и не в 1917 гг. Борьба марксизма и либерализма – двух кузенов Просвещения – в XX веке развивалась на фоне куда более устойчивых традиций русской жизни. Она же охватывает тысячелетие мировой истории и протекает на огромном географическом пространстве, которое наш народ успешно защищал, несмотря на несовершенство общественного устройства, ибо он не был разобщен и имел духовную скрепу. Продолжение России как явления мировой истории неотделимо от духовного наследия Православия и Русской Православной Церкви – источника нравственной силы русского народа и его государствообразующего начала.

России необходим модернизационный проект – русский, а не чужой проект, который бы соединил русскую православную картину мира с динамикой современной экономики и технологии. Только это позволит участвовать в глобализации без ультимативного диктата по отношению к народу, некогда дошедшему от Буга до Тихого океана.

Геополитическое, военное, духовное давление на Россию показывает, что быть великой державой – это не блестящая мишура на национальном плаще, которую можно снять и выбросить: это единственное условие нашего самостояния в мировой истории.

Для выработки подлинной повестки дня для России необходимо выйти за рамки чисто технократического экономического мышления. Побуждение к историческому творчеству, мобилизация духовных и интеллектуальных сил нации, интерес и сопричастность мировым процессам возникают только у народа, который живет не хлебом единым, у народа, который ощущает свою самоценность.

Пока же основателя российской государственности – русский народ, чьей кровью полита наша земля и чье имя она пока еще носит, уже запрещают называть русским. Абсурдная, бесперспективная и, наконец, антинаучная попытка замены “русского” на “россиянин” отражает оскудение, узость и потому неуверенность национального сознания, с которым страна обречена утратить всякую историческую инициативу, чего от России и требует Запад.

“Русский” и “россиянин” – это две ипостаси жизни человека и народа. Быть россиянином – это гражданское состояние. Быть гражданином России, быть гражданином вообще – это большая ценность и завоевание человеческой цивилизации, плод развития общественных исканий. Но граждане России – это русские и татары, калмыки и чуваша, многие народы, соединившие в свое время свою судьбу с русскими и сохранившие им верность в испытаниях. Вместе мы в этом качестве совершенствуем институты государства и развиваем экономику, платим налоги, обеспечиваем равный доступ к правам и благам, мы – россияне, когда боремся за пенсии и справедливость, за социальное государство.

Но ни “граждане мира”, ни “россияне” не рожают сказок и песен, литературы и музыки, даже философии. Культуру как порождение духа рожают только национальные сообщества в неповторимом соединении языка и обычая, повадок, характера и внешности, истории, опыта превращения в нацию из “разросшегося семейства”, как называл в своем государственном учении Филарет Московский само государство. Великую культуру создавали не россияне, а русские, немецкую – немцы, арабскую – арабы, но не “эмиратцы”. Гете и Достоевский, Пушкин и Флобер, Шота Руставели – потому гении всемирные, что были прежде всего гениями национальными. Гражда-

нин, утративший свою национальную ипостась, связь с нацией, переставший быть русским, станет и плохим “россиянином” – родина для него будет там, где ниже налоги.

Общество устало презирать свое Отечество, как это было модно в период перестройки и реформ. Пора дать здоровую основу для национального чувства, неискоренимого, имманентно присущего, как любовь к матери. Освященное высшими этическими и духовными целями, оно может быть побуждением к историческому творчеству. Подавляемое, лишенное моральной санкции – оно деградирует и рождает уродливые плоды. Не стоит удивляться, что в низкокультурной среде и в молодежной субкультуре появляется зоологический или языческий этноцентризм, который, конечно, не имеет шансов на успех, так как русские – не тевтоны. Он бесплоден, ибо ищет лишь, *против кого* действовать, но не способен сформулировать положительную цель – *за что мы и зачем живем*.

Несмотря на это, влиятельная часть элиты не дает преподавать основы православной культуры, подвергает травле Церковь. Но именно православный нравственный поиск побуждает преодолевать собственную гордыню и задумываться о своих грехах прежде, чем о чужих. Где уж тут идея превосходства над другими личностями или другими нациями в сознании человека, идущего с трепетом к Причастию, возглашающего о спасении грешных, от них же первый есмь аз! А тем временем множатся “россияне”, которые, как муфтий Нафигулла Аширов, требуют убрать христианскую символику из всех государственных ритуалов и символов России.

То меньшинство, что пытается под видом демократии и верности светскому государству изъять духовный стержень русского государствообразующего народа – посягает на стержень, что создал Россию и, среди прочего, обеспечил мирное и конструктивное содружество народов, их уникальное взаимодействие и сотворчество. Демократия защищает права меньшинства. *Но никогда и ни при какой демократии меньшинству не должно быть дозволено безнаказанно оскорблять большинство!*

Многонациональность России – есть факт. Изначально, в отличие от западноевропейских народов, дружина русского князя еще до принятия христианства, как писал В. Ключевский, “представляла собой целый интернационал”. Историческое государство Российское вобрало много народов, которые присоединялись к русскому православному царству, зная, что в нем им найдется достойное место, что они смогут молиться своим богам, но принадлежность к целому будет источником ценностей.

Разрушение и деградация русского стержня стали одной из причин упадка государства, а также и межнациональных трений. Но подлинно глубокое национальное чувство – есть любовь к своему, но не ненависть к иному. *Только народ, который ценит и любит свое наследие, способен с пониманием и уважением относиться к подобным чувствам других.*

“Славянофилы” и “западники” – все сегодня искренне или прагматично обращаются к социальной проблематике как приоритетной. Как это ни парадоксально, но именно после Мюнхенской речи задачей первостепенной важности стал немедленный поворот от великодержавной риторики к внутреннему социально-экономическому заданию. Высказанное в Мюнхене как бы увенчало период восстановления чести и достоинства России, который связан в общественном сознании с президентством В. В. Путина. Так или иначе, это удовлетворило “оскорбленную гордость великороссов” на международной арене. И, порой неосознанная, но жгучая потребность “отмщения” за унижение со стороны чужих уже больше не может заслонять унижение от собственного государства.

Помимо долга перед своим народом ответственное правительство должно было бы сознавать, что социальную напряженность в российском обществе охотно используют внешние силы и их клеветы, чтобы лишить Россию внутренних основ внешней стратегии. Императив общенациональной солидарности перед историческим вызовом диктует наряду с демографической стратегией принципиально новую социально-экономическую политику.

Будущее за социальным государством, в котором необходимо оставить в прошлом доктрины двухсотлетней давности и перевернуть страницу истории, не глумясь над жизнью отцов, опереться на христианскую мораль. Эта зада-

ча на деле стоит перед всей левой идеей. Однако в Европе левизна и идея социального государства давно и прочно увязана с отрицанием традиционных ценностей, то есть с левизной философского богоборческого характера, с левизной морального характера. Левые на Западе – это поборники либертаризма – свободы эвтаназии, аборт, содомии и всего того, что отрицают в России именно поборники социального государства. Кто освистал Рокко Бутильоне – католика из ЕС, осмелившегося заявить о своем отношении к содомии как греху, – левые всех мастей – от либералов до коммунистов? Они и попрали базовое понятие демократии – свободу совести и слова! В Европе христианин уже не может быть христианином.

Значит, именно Россия может первой дать новое прочтение идеи социализма, соединить стремление человека к справедливости с традиционными ценностями и христианской моралью. Социальная ответственность власти прямо вытекает из 25 главы Евангелия от Матфея, где “праведным” назван тот, кто обул, одел и накормил ближнего, а значит сделал это Господу. Христианское братство и любовь к ближнему – есть нравственный солидаризм и не имеет ничего общего ни с демонами либерального индивидуализма, ни с бесами принудительной уравнительности.

Не обойтись и без самоопределения по отношению к целям и ценностям бытия, собственной и мировой истории. Отрадно, что нигилизм идейных гурь перестройки, улюлюкавших над очередной исторической катастрофой России, уже перестал быть путеводной звездой для общества и для власти. Да и само постсоветское западничество уже не пытается вступать в серьезные дискуссии об историческом проекте, предпочитая беспомощное ерничанье над любой попыткой такую дискуссию развернуть, как это было в связи с вброшенной темой “суверенной демократии”.

Тема, надо сказать, выбрана весьма остроумно хотя бы потому, что дала возможность проверить, насколько ожидания и требования народа в отношении власти отличаются от требований либеральной когорты, все еще монополизирующей информационное поле. Все, что вызывает удовлетворение у нации, является объектом бешеной критики и ненависти либералов, а то, что заставляет нацию недоумевать и возмущаться, выдается за величайшие завоевания.

Исторически жизнеспособная национальная государственность во все времена, а тем более в эру глобализации, не может быть выстроена на заимствованных идеологических схемах и абстрактных планетарных идеях. Она должна опираться на воплощенный в праве (соответствующем своей эпохе) органический строй народной жизни. Эксперименты XX века слишком очевидно продемонстрировали: для России одинаково губительны как самоизоляция, так и насильственное обезличивание, как самонадеянное противопоставление себя миру, так и раболепное эпитонство.

Серьезная дискуссия о России и о мире нужна, прежде всего, самой элите и власти. В обществе она уже идет давно и без санкции сверху. Русский человек, еще 15 лет назад с энтузиазмом осваивавший “безумство гибельной свободы”, сейчас обсуждает тему чести и бесчестья, ищет в явлениях и подходах, в экономических доктринах и национальных проектах “должное” и “праведное”, а не только “нужное” и “правильное”. Но именно этими категориями технократов до сих пор оперируют власть и элита. Сколько министра финансов ни спрашивать о вложениях в социальную сферу, образование, науку, культуру, ответ будет неизменен: “Неправильно, ибо приведет к дополнительной эмиссии денежных знаков”.

Человеку и нации имманентно присуще стремление к равновесию между индивидуальным и всеобщим, между национальным и универсальным. Это и дает импульс к развитию, к той самой модернизации без утраты смыслообразующего ядра национального исторического творчества. Когда нации внушают, что она – неудачница мировой истории, что патриотом может быть только негодяй, она, лишенная права на историческую инициативу, отвечает на это демографической катастрофой. Если это не остановить, бессмысленны любые дискуссии. Сначала произойдет изменение культурно-исторического типа, затем – утрата территории.

Если уж говорить о “суверенной демократии”, необходимо строить дискурс в максимально широких историко-философских категориях – без этого

не нащупать исторический проект, связующий прошлое, настоящее и будущее, связующий Россию и мир, не найти согласия по самым животрепещущим вопросам: Кто мы? “Европа” ли мы? Что такое “Европа” вчера, сегодня, завтра? Нужна ли нам модернизация, хотим ли продолжить себя в ней? Что есть демократия и что есть сегодняшний либерализм?

По отношению к миру повестка России достаточно очевидна, и общество только приветствовало бы более твердое, хотя и тщательно взвешенное противодействие попыткам навязать глобальное управление, выдаваемое за глобализацию. После Мюнхенской речи уже неуместны в устах официальных лиц такие клише, как “общечеловеческие ценности”, или фантомные образы “мирового цивилизованного сообщества”, которые фактически прикрывали передел мира.

Подлинная демократия проверяется демократичностью в международных отношениях, уважением к суверенитету других и праву выбирать свою историю. Не случайно в Уставе ООН в Главе I “Цели и принципы” не отдается предпочтения ни одной религиозно-философской или общественно-политической системе и вообще не упоминается слово “демократия”. Устав начинается с утверждения суверенного равноправия всех многообразных субъектов международных отношений. Это означает равноценность и равноправие республики и монархии, общества религиозного и общества секулярно-либерального (западного типа). С точки зрения классического международного права и Устава ООН, они абсолютно равноценны и между ними нет отношений высшего к низшему, прогрессивного к отсталому.

США произвели “теологизацию” своего мирового проекта и приравняли свои интересы к некоему универсальному морально-этическому канону. В такой философии соперник или противник США становится врагом света и исчадьем зла. И лишь гротескная Новодворская до сих пор убеждена, что “США соответствуют высоким принципам политического порядка, превосходящего все остальные политические порядки, и новый американский империализм служит высшей моральной цели”.

Однако незападный мир испытывает глубокое разочарование именно в тех самых “западных ценностях”, которыми он был долго очарован, что приносило Западу и самим США немалые политические дивиденды. Теперь же политика США воспринимается как деградация демократии, как закат западного мира и великой европейской цивилизации, что затрагивает уже не только Америку, но и нас. Это ведь только для поляков и русских нигилистов мы – “варварский Восток”, а для Востока – мы Запад. Антиамериканизм, разочарование в США усиливает неприязнь ко всей западной, изначально христианской цивилизации. Вот один из важнейших факторов роста напряженности в междивизиационных отношениях, которые и без того переживают масштабные сдвиги, имея неопределенное будущее.

Не пора ли России после 15-летнего молчания предложить миру идею? Суверенная демократия может означать и право на историческую инициативу, от которой мы почему-то отказались. Да, Америка построила свой рай на земле, поражающий благосостоянием, но уже ничем другим, и взимает имперскую дань. Россия же обладает тем, чего нет ни у США, ни у Европы.

Это бесценный и уникальный опыт многообразия, делающий Россию моделью мира: ей ведомо все – и безумное богатство, и средневековая бедность, высоты культуры, технологии и научной мысли – и архаика. Ей знакомы проблемы и хижин, и дворцов. Она одновременно живет в трех веках – в прошлом, настоящем и будущем. Она знает конструктивное взаимодействие на своей территории и в своем историческом проекте всех цивилизаций. У нее опыт уникального сотворчества с исламом. “Нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений”. И весь этот опыт, это единство во множестве дают ей способность понимать других в этом мире, чего никогда не смогут американцы. Не пора ли выдвинуть идею иного мира – справедливого мира – мира гармонии многообразия?

Национальную историческую стратегию России XXI века приходится формулировать на фоне крупных геополитических сдвигов и качественно меняющихся мир экономических тенденций. Очевидный передел мира, кроме преемственной борьбы за выходы к стратегическими морям и проливам, очевидно нацелен на оттеснение России в глубь континента, на северо-восток Евразии, где рыночная экономика неконкурентоспособна, на достижение контроля над

планетарными источниками энергии. В этих условиях необходимо верно оценить тенденции мирового развития.

После многовекового возрастания роли и столетнего доминирования Запада в мировых процессах динамизм мирового развития перемещается в Азию. Азиатские гиганты Китай, Индия демонстрируют стабильный рост, развитие, модернизацию, поступательный подъем на качественно новые ступени. Судорожные попытки Запада найти способ “сдерживания” проистекают не только из-за впечатляющих количественных показателей развития Азии. Эти нации – одновременно самобытные цивилизации с людским потенциалом в 2,5 млрд – опровергают тезис, будто модернизация и экономическое развитие возможны только при тотальной вестернизации, а это уже означает банкротство всего мирового либерального проекта “глобального управления”.

В этих условиях прямая заинтересованность энергозависимых Китая и Индии, а также других мощных экономик Азии в доступе к российским природным ресурсам дает нашей стране исторический шанс, который не должен быть упущен.

Основой для такой исторической перспективы является разработка ресурсной и энергетической стратегии России как инструмента ее собственного развития и как фактора мировой политики с упором на масштабные инициативы в Азии и на Дальнем Востоке. На повестке дня – национальный комплексный проект социально-экономического развития Востока России от Урала до Тихого океана. Здесь, на Востоке, сосредоточена подавляющая часть ресурсов российской территории. Здесь мы можем в полной мере использовать выгоды континентального соседства с крупнейшими государствами Азии – наиболее динамично развивающимися рыночными экономиками современного мира.

Стратегический курс на развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока, формирование новых, устремленных в будущее проектов глобального значения и масштаба немедленно даст России вес в отношениях с Западом, демонстрируя будущую парадигму оценки исторического потенциала, в которой Россия сразу оказывается равновеликой всему совокупному Западу.

Однако назревшая переоценка и, что важнее, новая *самооценка* реального потенциала России в мировом хозяйстве требует избавления от иллюзий интеграции нашей страны с “мировым цивилизованным сообществом”, которое нас не ждет и надежно ограждает себя институтами ЕС и НАТО. Планы подчинения государств “global governance” и “универсальным демократическим стандартам”, вовлечение ресурсного потенциала России в решение их собственных задач определяет сегодня деятельность ведущих западных учреждений стратегического планирования.

Запад уже давно не располагает обязательным набором факторов, необходимых для устойчивого развития в XXI веке: ресурсная самодостаточность; военная мощь, исключаяющая посягательство на национальные ресурсы; высокий образовательный уровень населения и полный цикл научных исследований; отсутствие перенаселения и внушительная территория; относительно невысокий уровень потребления; позитивный потенциал в свете не подвластных человеку изменений климата (потепления).

В настоящее время в мире существует только одна такая страна, соединяющая полный набор факторов устойчивого развития, – Россия. Даже после всех экспериментов XX века она сохраняет способность к самостоятельному развитию как равновеликая Западу духовная, культурная и геополитическая сила. Спокойное и неафишируемое освобождение от идеологических клише “нового мышления” необходимо для перехода в стратегическом планировании к собственному историческому проекту, не враждебному Западу, но не зависящему от его ценностного, политического и экономического диктата.

Многовекторная политика России – традиционна и соответствует ее географическому евразийскому положению, определяя как раз ее незаменимость и уникальность. Наибольшая активность России на западном направлении в течение предыдущих веков была естественной, ибо именно Европа тогда была центром, где свершались события и экономические прорывы всемирного значения, на Западе располагались как главные угрозы для России, так и главный потенциал сотрудничества.

В XXI веке мир меняется, и важно не опоздать с его оценкой. Напомним, что З.Бжезинский свою великую шахматную партию разыгрывал именно на евразийской доске.

Перспективный “Восточный национальный проект” имеет исключительно важное значение и с другой точки зрения – он способен потенциально остановить стремительную депопуляцию России, выправить (хотя бы частично) возросший за последние 10–15 лет демографический дисбаланс между доруральской и зауральской частями страны. В оценках западных мозговых центров именно депопуляция России и нарастание этнического неравновесия рассматривается в качестве критически слабого места России. Именно это делает громадную и незаселенную российскую территорию – кладовую мировых ресурсов объектом усиливающегося геополитического давления. Если эта многолетняя угрожающая тенденция не будет обращена вспять, эту территорию будет трудно удержать, особенно на фоне тщательно провоцируемых конфликтов по периметру российских границ.

Масштабный проект энергетического освоения Сибири и Дальнего Востока способен стимулировать возникновение динамичных очагов жизнедеятельности и импульса к демографическому росту и миграции. Нельзя ограничиться добычей и транспортировкой углеводородов азиатским партнерам – Китаю, Японии, Индии. Проект должен включать переработку и производство конечных продуктов, создание в перспективе полноценных экономических центров, скрепляющих страну и стимулирующих региональное развитие Сибири и Дальнего Востока, дающих интересную перспективу для сотрудничества, капиталовложений и трудовой миграции в Центральной Азии.

В современном контексте и на фоне очевидного проектирования Западом геополитического кольца вокруг России и конфликтной зоны в новых центральноазиатских государствах даже грандиозные экономические инициативы не способны выполнить исторической задачи.

Необходимы акты на уровне геэкономии. Соединение масштабных экономических и финансовых проектов исторического значения со столь же программными политическими инициативами для потенциальных партнеров только и могут создать устойчивую геополитическую конфигурацию, благоприятную и для России, и для ее соседей, особенно в Центральной Азии, образовать вместо создаваемого пояса отчуждения и провоцируемых извне конфликтов – пояс притяжения, а значит, пояс безопасности для России и ее соседей и партнеров.

Россия обязана сосредоточиться на выработке стратегии ресурсной безопасности, сделав ее инструментом развития, демографического восстановления, защиты национальной безопасности и новых отношений с ее историческими партнерами в Центральной Азии. Вот подлинно масштабный национальный проект.

* * *

Суверенная демократия, если наделять ее подлинными смыслами, должна стать инструментом выживания в условиях глобализации. В самих процессах глобализации необходимо различать ее естественные аспекты и идеологию “глобализма” – орудие подчинения мира системе “глобального управления”. Важно развенчать еще один распространенный миф, будто бы глобализация служит модернизации (в том, что последняя нужна России, сомнений нет).

Даже прекраснотдушным западникам пора открыть глаза: глобализация уже перестала означать универсализацию прогресса, как это было в эпоху модерна. Догонять “мировое сообщество” с этой целью бессмысленно. Втягивая нашу страну в гонку на ультимативных условиях “глобального управления”, глобализация сегодня обрекает подражателей на консервацию и даже увеличение отставания. Из незападных миров модернизируются сегодня устойчиво и быстро только те крупные национально-государственные единицы, которые сами определяют свою роль в процессах глобализации, – Индия, Китай. И чтобы “обратить на пользу мощь глобализации”, надо нащупать то, что можем сказать миру только мы. Надо формулировать свою незаменимость. Мы не можем выиграть на чужом поле и по чужим правилам, нам надо выявить свою уникальность.

В дискуссии об историческом проекте, о России и русских в мире, о русском мире неизбежно встает перед нами опять дилемма “Россия и Европа”,

которую не обошли вниманием самые крупные русские умы прошлого. Исполнинская размерами, куда более равнодушная, чем Запад, к земному и парадоксально выносившая в посылаемых ей исторических испытаниях, Россия имела то же, что и Запад, духовное наследие, но родила иной исторический опыт. Она и добродетельствовала, и грешила всегда по-своему, а заимствуя что-то у Запада, преобразовывала применительно к себе самой.

На всем протяжении превращения Московии в Российскую империю, а затем, в XX веке, в коммунистический СССР, этот феномен, независимо от наличия реальных противоречий, вызывал у сторон заинтересованную ревность особого характера, присущую лишь разошедшимся членам одной семьи.

И даже когда Россия превратилась из православной державы в коммунистическую, она опять осталась империей и родила нечто, далекое от ортодоксального марксизма. Арнольд Тойнби убежден, что коммунизм – это оружие западного происхождения, и “в российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно”. Но именно появление коммунизма на русской православной почве, в той самой соперничавшей ойкумене сделало его в глазах Запада куда более опасным идейным оружием, чем любой гипотетический коммунистический эксперимент на самом Западе.

Противостояние XX века не только сохранило преемственность геополитического противоборства. Демоны индивидуализма и бесы социальности – вот кто яростно столкнулся в XX веке. Те и другие унаследовали извечные западные фобии в отношении Православия и России. Так дилемма “Россия и Европа” органично вошла в новую “великую схизму” эпохи постмодерна на фоне колоссально возросшей роли ненасытных глобальных финансовых интересов. В этом дискурсе бедой российской элиты, начиная с 80-х годов, было не отсутствие интеллектуального потенциала, а мировоззренческая нищета, вовлеченность в проект “глобального управления”.

Чтобы выйти из этого порочного круга, вовсе не надо ненавидеть Запад. Надо быть способными рассматривать “Европу” как целостность двух опытов и саму Россию – как ценность, без которой мир неполон, а наше положение среди центров силы и цивилизаций, социально-экономические задачи, духовно-нравственное состояние, национальную культуру видеть в едином контексте продолжения русской цивилизации в современном модернизационном проекте, основанном на православной картине мира.

Россия исторически жила на огромном географическом и многоцивилизационном пространстве. Она не поддавалась натиску католического романо-германского духа с его бесспорным культуртрегерским обаянием, дважды выстояла перед “сумрачным германским гением”. Перед всей человеческой цивилизацией, бросая вызов всем великим духовным и национальным традициям человечества, маячит соблазн капитуляции перед “попсой” – цивилизацией “Пепси”.

Почти без сопротивления сдалась и уходит христианская Европа, в которой Родина там, где ниже налоги, а жизненный выбор – выбор зубной пасты. ...Кто же сопротивляется, кто бунтует? Бунтует, парадоксально, одна лишь постсоветская Россия! Этот бунт, пока интуитивный, не всегда последовательный и часто сформулированный в привычных клише XX века, порой неуклюжий, “прогрессивное человечество и цивилизованная Европа” уже клеймят как варварство и наследие тоталитаризма. Чтобы воспрепятствовать восстановлению Россией своей национально-религиозной ипостаси, новые Парвусы оплачивают старые сценарии разрушения России, а прежние державы фарисейски маскируют свои преемственные интересы высшими цивилизаторскими целями.

Впрочем, бунтует пока даже не Россия, а именно Русь. XX век быстро стер не только ее имперский лоск, манеры и вкусы элиты. Теперь и либеральная “россиянская” интеллигенция бравитурит тюремным жаргоном и сквернословием, а нобелевские лауреаты – вот уж точно “россияне”, демонстрируя удручающий уровень общегуманитарной эрудиции, требуют остановить “клерикализацию”.

Но Русь не боится быть “неполиткорректной” и протестовать против поругания икон, она не видит в этом “свободы” – только развязное глумление над святынями. Она не страшится насмешек и окриков “Совета Европы” и не хочет видеть парады содомитов. Не зная теории, она просто не позволяет свободе

совести превратиться в свободу от совести и уравнивать грех и добродетель, добро и зло. Это она – нищая и соблазняемая земным раем, подвергнутая двойной стерилизации – марксизмом и либерализмом, вдруг отвечает на вопрос: “какое преступление нельзя оправдать ни при каких обстоятельствах”, – “измену Родине!” (социологические опросы 2000 г.).

Россия в упадке, но Русь жива! Это о ней говорил основатель Зарубежной Церкви Антоний (Храповицкий): “Очень было бы грустно лишиться русского государства, но Русь была, росла и сияла даже тогда, когда не было государства, как последние 450 лет рос и развивался гений греческий, как умножалась его вера, его патриотизм, его энергия под властью турок...” “Русское правослаvie..., искусство, речь, сердце, открытость, самоотверженность и широта духа не угаснут под игом ни японцев, ни американцев, ни англичан, ни французозов. Можно надолго уничтожить Россию, нельзя уничтожить Русь”.

Прав был митрополит Антоний: “Святая Русь будет всегда”. Антоний Храповицкий в своем выстрадавшем чутье предвидел, что бывшие комсомольцы, вообще не знавшие о Христе, подобно некогда оглашенным римлянам потянутся к саровской обители Святого Серафима, будут идти десятками тысяч пешком по трое суток, ночуя в палатках. Не стоит удивляться либералу, который еще при Пушкине “просвещением свой разум осветил”, “и нежно чуждые народы возлюбил, и мудро свой возненавидел”, который, скрежеща зубами, недоумевал: откуда это, и куда они, ведь там не объявлены распродажи, чтобы “покупать и экономить” – “buy and save”, как делает “цивилизованная” Америка в Великую Пятницу...

* * *

Российской элите, претендующей, как и перед революцией 1917-го, на учительство по отношению к презираемому ею народу, неплохо было бы сначала выполнить “домашнее задание” и сдать экзамен на аттестат зрелости – на понимание действительных истоков взлетов и падений собственной, европейской и мировой истории. Это ей – элите пора научиться не просто выговаривать чужие клише, но видеть опасность извращения таких значимых категорий, как гражданское общество, права человека, свобода совести, отличать демократию – механизм организации общества через представительство всех его составляющих – от философии либерализма. Та же, как только начинает претендовать на роль “единственно верного, потому что всеильного” учения, немедленно повторяет претензии и судьбу своего неудачливого кузена – коммунизма, то есть вырождается в “либеральный тоталитаризм”.

Россия в XX веке действительно не успела по-настоящему творчески и в национальной традиции развить на своей почве ту демократию и те права человека, сладость которых ощущается особо остро после всеобщего запрета. Однако почему, обращаясь к выдающимся завоеваниям человеческой культуры, мы должны подбирать великие учения не в их “цветущей сложности”, а в состоянии упадка и вырождения, со всеми накопленными Западом извращениями и грехами?

Разве научиться “говорить по-русски о свободе и справедливости” означает списывать гениальную поэму в переложении для комиксов? Не уместнее ли, не отрицая собственные грехи, брать за образец подлинник?

Почему, коль Россия участвует в Совете Европы и платит этому “IV-му Либеральному Интернационалу” дань, не изменить полностью тактику? Вместо признания менторства этой убогой пародии на великую Европу времён Петра, вместо того, чтобы кланяться и благодарить их за недобросовестное и небескорыстное “внимание”, разве не полезнее была бы ирония?

Было бы абсурдным отрицать достижения Европы и Запада в целом в области прав человека, в демократизации сознания, в этике их соблюдения в отношении любого человека, а не только высокопоставленного. Однако, чтобы развивать этот бесспорный опыт на российской почве, необходимо ясно представлять себе культурно-исторический контекст и, прежде всего, не боясь окрика “цивилизованных”, работать в России над общим нравственным оздоровлением общества, невозможным без восстановления его православных национально-религиозных ценностей. Эти ценности несут четкое представление о грехе и добродетели, определяют свободу воли человека как основу потреб-

ности в гражданских политических свободах, воспитывают способность личности к самообузданию, без чего невозможны ни зрелая гражданственность, ни уважение прав другого человека. То же относится и к пресловутой коррупции, с которой бесполезно бороться реорганизацией правоохранительной системы. Там, где утрачено понятие стыда и греха, порядок не сможет поддерживать и полицейский, ибо он сам – порождение того же общества.

Чтобы успешно внедрять в самой России позитивный опыт в области прав человека, но одновременно противостоять навязыванию необоснованных, а порой откровенно разрушающих культуру и систему ценностей критериев, необходимо, чтобы российская элита научилась отвечать на вызовы и не выглядела беспомощно перед беспардонным натиском западноевропейских “голубых” градоначальников.

Приходится вновь и вновь разъяснять соотношение и взаимодействие между тремя признаваемыми поколениями прав человека.

Первое поколение – это гражданские и политические права, равенство полов, свобода совести, слова, собраний, равенство перед законом.

Второе поколение прав человека – это социально-экономические права – выдающееся завоевание XX века, провозглашенное впервые именно нашей страной и которое постсоветские либералы, в отличие от своих предшественников XIX века, рыдавших об обездоленных, вообще отринули как наследие “совдепии”.

Наконец, третье поколение прав человека – то, что вынесено на мессинское знамя нынешней “либертарной революции”, с которым выступает Совет Европы. Это так называемые “права личности”, трактовку которых в максималистских либеральных критериях, отрицающих различие греха и добродетели и представляющих не что иное, как ценностный нигилизм, то есть историю и жизнь без нравственного целеполагания, сегодня Запад склонен навязывать как универсальную.

Даже беглый анализ трех поколений прав человека показывает, что первое из них относится к понятию демократии, второе – к понятию социального государства, а третье – к либерализму. Если первые два успешно внедряются в национальном контексте во всех цивилизациях мира, то пора открыто указать на то, что западный либерализм, возникший как протест против абсолютизма и принудительного характера огосударствленных религиозных постановлений, сегодня перешел в крайнюю извращенную форму – либертаризм, который нетерпимо отрицает иные суждения и становится новой формой тоталитаризма.

Пора на всех уровнях и в международных организациях, прежде всего в таких, где представлены все цивилизации мира, – и это найдет поддержку (Межпарламентский союз) – последовательно показывать, что воинствующее либертарное толкование свободы и прав личности, навязывание ценностного нигилизма вступает в противоречие с первым поколением прав человека и бросает вызов самой основе демократии – праву на свободу совести, а значит, на свободу в том числе и религиозного суждения.

Чтобы суверенная демократия воспринималась “самодержавием народа”, необходимо “самодержавие духа” – способность к духовному самостоянию власти, элиты и общества, их взаимодействие и солидарность. Данное понимание может сложиться лишь в результате диалога власти и общества, а не монолога одной привилегированной касты.